
РЕЦЕНЗИИ И ИНФОРМАЦИЯ

Т. В. ПАНФИЛОВА

ЧТО ДЕЛАТЬ? НОВАЯ ПОПЫТКА ОТВЕТА НА ВЕЧНЫЙ РОССИЙСКИЙ ВОПРОС

Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 735 с.

Новая книга профессора Н. С. Розова привлекает внимание уже своим названием, в котором присутствуют два образных представления: наезженная, все углубляющаяся колея как выражение постоянных повторов в истории России, заикленности на одних и тех же политических механизмах, и перевал, на который, видимо, нам еще предстоит взобраться, чтобы вырваться из колеи и встать на новый исторический путь. Автор обещает, опираясь на макросоциологию, наметить стратегические линии развития страны и показать, как осуществить переход от колеи к перевалу. Стало быть, можно считать, что мы имеем дело с попыткой «умом понять Россию» (точнее, не просто умом, а с помощью науки – макросоциологии) и вместе с тем ответить на один из извечных российских вопросов: «Что делать?». Задача трудная и благородная.

Заслуживает одобрения, на мой взгляд, стремление автора осмыслить историческую динамику России в понятиях. И не только потому, что лично мне близко стремление «умом понять Россию»¹. Важнее то, что использование научных понятий в гуманитарной сфере вышло из моды, и пора, наконец, переломить сложившуюся ситуацию. Поэтому считаю очень своевременной предпринятую автором реабилитацию ряда философских категорий, чему посвящено Приложение 3 под ярким названием «Время собирать камни: апология поруганных категорий философии и политики». Причем

¹ См.: Панфилова Т. В. Умом понять Россию // Философия и общество. – 2008. – № 1. – С. 26–38.

автор не просто обращается к идее социальных и культурных закономерностей, но и обосновывает необходимость этих категорий для обществоведения вообще и для данного исследования в частности.

Удалось ли профессору Розову благодаря опоре на макросоциологию справиться со всеми поставленными перед исследованием задачами? Думается, что рассчитывать на полное решение всех проблем было бы неразумно. Как в любом новом деле, что-то получилось лучше, что-то – хуже. И это естественно. Но есть проблемы, осмысленная постановка которых – уже достижение, а есть и такие, нерешенность которых, на мой взгляд, обусловлена либо недосмотром автора, либо противоречивостью его позиции. Попробуем разобраться.

Начнем с построения книги. Автору понадобилось больше страницы, чтобы описать ее жанр. И неудивительно: отдельные части книги не только написаны в разных жанрах, но и не всегда стыкуются между собой. Как к этому отнестись? Профессор Розов самокритично признал, что ему не удалось создать целостного произведения, поскольку – не без кокетства заявляет он – «как раз ума мне не хватает, чтобы связать в единое удобоваримое целое все родившиеся разноликие и разношерстные мысли» (с. 620). Отвергаю всякие намеки на нехватку ума: чтобы освоить такой объем научного материала и продумать такое количество «разношерстных мыслей», нужен недюжинный ум. Больше того, не вижу беды в том, что не все мысли удалось продумать до их логического завершения и не все – увязать. Для новаторской работы это естественно и даже эвристично. Нельзя не согласиться с автором в том, что важнейшая задача книги – привлечь заинтересованных читателей к совместному продумыванию проблем и поиску их решений, к проверке действенности сформулированных в книге гипотез. Кстати, то, что, по признанию автора, «большинство общетеоретических положений данной книги имеет статус *гипотез*» (с. 7), – дополнительное свидетельство эвристичности работы (качество чрезвычайно ценное).

Встречаются, однако, нарушения стройности изложения, которых лучше было бы избежать. Я имею в виду бросающийся в глаза разрыв между Частями I и II.

С одной стороны, понятно желание автора дать в Части I целостную систему понятий, в которых дальше будет осмысливаться прошлое и настоящее России. С другой стороны, нельзя не при-

знать, что Часть I в ее нынешнем виде воспринимается как «просветительская» добавка к исследованию. То ли надо ее существенно сократить, исключив, например, Главу I, то ли более органично встроить используемые модели, понятия, конструкции в основные разделы книги, давая необходимые пояснения по ходу дела. Какие изменения нужно произвести – оставим на усмотрение автора, но что-то сделать желательно, чтобы сгладить образовавшийся разрыв между частями книги.

Правда, если бы удалось органичнее вписать объяснение понятийного аппарата в текст книги, острее встал бы вопрос о способе выражения базовых понятий. Пока понятийный каркас оторван от российского исторического материала, который придется осмысливать с его помощью, чужеродность таких терминов и словосочетаний, как «фрейм», «рефрейминг», «асабия», «депривированный претендент» и многих других, не так бросается в глаза.

Я не причисляю себя к сторонникам заменять «галoши» на «мокроступы», тем не менее использование иноязычных слов, на мой взгляд, далеко не всегда оправдано, особенно когда их много и они непривычны. Они утяжеляют текст и усложняют его восприятие, что идет вразрез с установкой автора «не запутывать и затемнять, а прояснять и высвечивать» (с. 12). Автору все равно приходится сплошь и рядом давать перевод соответствующего термина, да еще с пояснениями применительно к каждому случаю. В чем же тогда преимущество нововведенных иноязычных заимствований? Видимо, и в этом деле следует соблюдать меру и вводить новые термины осторожнее.

Опора на макросоциологию, как мне представляется, оказалась очень плодотворной при анализе российских циклов, их механизмов и закономерностей, природы «русской власти», российского менталитета и социальных институтов – всего того, что определяет историческую колею России и обеспечивает ей инерцию циклической динамики. В результате Часть II, посвященная эти вопросам, на мой взгляд, является бесспорной удачей автора. Нарисованная им картина выглядит убедительно и обоснованно. Благодаря ей многое проясняется в нашей жизни. То, что мы интуитивно подозревали, находит свое понятийное выражение, а значит, мы начинаем понимать происходящее с учетом исторической подоплеки, то есть глубже, основательнее, чем до сих пор. Особенно хотелось бы выделить Главу 8 «Природа “русской власти”»: от метафор к концепции». После знакомства с нею начинаешь думать, что осуществ-

вилась наконец-то мечта «умом понять Россию». А уж после того, как разберешься в механизмах и закономерностях кольцевой динамики, все окончательно становится на свои места. Наступает своего рода прозрение. И читатель с нетерпением ждет ответа на вопрос «Что делать?».

Тут-то и всплывает термин «перевал», означающий, согласно авторскому замыслу, смену логики исторического развития. И все бы хорошо, если бы вместе с термином не начали появляться противоречия в осмыслении стратегий России, а вместе с ними и сомнения: так ли успешно работает макросоциология в этой части книги, как в предыдущей?

Вернемся к определению перевала: переход к «производящему и развивающему социальному режиму» (с. 485). В таком виде задача модернизации российского общества выглядит вполне приемлемо и особых сомнений не вызывает. Однако в ходе изучения Части III поневоле начинают возникать недоуменные вопросы, например: почему предстоящее нам восхождение на перевал рассматривается в этом разделе книги так, как будто речь идет только о нашем внутреннем деле, никак не затрагивающем остальной мир? Разве автор не понимает, что мы живем в глобализованном мире? Прекрасно понимает, но говорит об этом почему-то только в следующей Части IV. Причем в разделе, посвященном положению России в глобальной мир-экономике, сделан следующий важный, по словам автора, методологический вывод: «...модернизация – это дело не только и не столько внутренней экономики страны, сколько изменение ее позиции во внешних, геоэкономических взаимодействиях», – вывод, по признанию автора, соответствующий макросоциологическому принципу «извне – внутрь» (с. 551). Значит, логичнее было бы начать с положения России в глобальном мире, ибо глобализация сегодня – не внешний фактор по отношению к внутренней динамике России, а ее важнейшая детерминанта, о чем, кстати, свидетельствует и процитированный выше методологический вывод автора. Выходит, что в анализе современного состояния России автор игнорирует принцип «извне – внутрь», важность которого сам подчеркивает. Непоследовательность налицо, но дело, однако, этим не ограничивается. Абстрагируясь от процессов глобализации как от внешнего фактора, мы рискуем получить искаженную картину внутренней динамики России, а вместе с ней – неверные оценки происходящего. Последовательное же проведение принципа «извне – внутрь», на мой взгляд, привело бы к измене-

нию ряда подходов и оценок, содержащихся в книге. Так, автор называет «параноидальной» идею «заговора» неких внешних врагов, пытающихся ослабить Россию. Рискну предстать в глазах профессора Розова очередным «параноиком», поскольку не отвергаю этой идеи напрочь. В то же время хочу напомнить автору, что стоило ему соблюсти последовательность в рассуждениях, как и ему пришлось признать, что «полностью нельзя отрицать ни явлений внешней помощи, ни явлений скрытых внешних вмешательств во внутренние дела (“заговоров”, причем отличить последние от первых зачастую возможно, лишь заняв ту или иную партийно-идеологическую позицию)» (с. 686). Иначе говоря, если не доводить идею до абсурда, получается, что в ней содержится констатация некоего объективного момента глобального мироустройства, пусть и односторонне истолкованного. Отсюда, с одной стороны, трудно не согласиться с профессором Розовым в том, что переделка нашей страны – наше собственное дело, и какой мы ее сами сделаем или допустим, чтобы за нас сделали, такой она и будет. Но, с другой стороны, нельзя же не учитывать того, что мы уже включены в глобализирующийся мир в качестве поставщиков сырья и – отчасти – рабочей силы. Будет ли глобализирующийся мир спокойно и благосклонно наблюдать за нашими потугами «стать партнером и конкурентом западных стран» (с. 487), избавляясь от привычной функции поставщиков сырья и нарушая тем самым сложившееся международное разделение труда? Кому нужны удачливые конкуренты? А если не нужны, не лучше ли пресечь их возникновение в зародыше?

В свете сказанного несколько меняется оценка причин сырьевой направленности экономики России. Профессор Розов связывает ее с «психологией бедности»: низкая оплата труда не поощряет повышения качества товаров, что выливается в их неконкурентоспособность, в результате чего на экспорт идет почти исключительно конкурентоспособное сырье (с. 355). Не отрицая правильности описанного механизма, считаю все-таки нарисованную картину односторонней. Мировой рынок заинтересован именно в нашем сырье, а не в конкурентоспособных промышленных или сельскохозяйственных товарах. И более успешные, чем мы, участники мирового рынка наверняка постараются во имя собственных интересов поддержать те силы внутри страны, которые процветают благодаря сырьевому перекосу нашего экспорта. Другими словами, ради закрепления России в качестве поставщика сырья вполне вероятно

внешнее содействие состоянию стагнации, даже возвращению в историческую колею, благо задекорировать любые действия под борьбу за демократию особого труда не составляет. Технология «цветных революций» хорошо отработана. Значит, представление о демократии, со становлением которой автор связывает движение на перевал, нуждается в более четком проговаривании, чтобы не сложилось впечатление, что автор противоречит себе. Пока демократия истолковывается как «противоядие от соскальзывания политической системы либо к диктатуре и государственному насилию, либо к хаосу и анархическому насилию» (с. 674), да при этом подчеркивается необходимость «живого творчества масс» (с. 420) в создании общественного контроля за действиями властей и в преобразовании местного самоуправления (с. 503), все кажется ясным и возражений не вызывает. Тем более когда важнейшим условием преодоления существующего разрыва между властями предрержащими и основной массой населения называется то, что «основные активы элит, центров силы (счета, недвижимость, семьи, штаб-квартиры фирм, основной капитал) должны располагаться в стране, а не за рубежом» (с. 434), остается лишь согласиться с автором. Так бы и было, если бы не ряд смущающих высказываний профессора Розова. Например, заявление автора о том, что легче перейти к демократии, «когда страна находится в большой геополитической и геокультурной зависимости от демократической державы... принимающей мощные и последовательные усилия по *экспорту* (курсив мой. – Т. П.) своего политического устройства» (с. 389). Помилуйте, с каких пор экспорт чужого политического устройства стал сочетаться с тем, что автор вложил в понятие демократизации (цитаты см. выше) и что я бы назвала «низовым» демократизмом? Может быть, имеется в виду необходимость освоения опыта других стран? Но тогда на первое место надо поставить внутреннюю потребность в разработке и применении демократических механизмов, через которую преломлялся бы чужой опыт. В противном случае «мощные усилия» некой демократической державы «по экспорту своего политического устройства» больше напоминают политическое насилие, нежели обучение основам демократии.

Автор с явным сожалением признает, что «элиты и население современной России характеризуются <...> отвержением любых западных “учителей демократии”» (с. 389), что чревато, по его мнению, трудностями для демократического «транзита». Боюсь, что в оценке позиции элит автор преувеличивает: среди них наверняка

найдутся сторонники того, чтобы кто-нибудь экспортировал демократию в Россию. Очевидно, есть они и среди интеллигенции. Что ж, такая политико-идеологическая позиция тоже имеет право на существование. Но тогда ее надо четко сформулировать во избежание недоразумений. В противном случае непонятно, как совместить внедрение чужого политического строя с «живым творчеством масс». А вдруг навязанная извне форма демократии не совпадет с творчески разработанными проявлениями «низового» демократизма? Как будут действовать западные «учителя демократии», считающие собственные представления о демократии единственно возможными и непогрешимыми? Так, как в Сербии или Ливии?

Неубедительно освещен в книге вопрос о том, что нас ожидает за перевалом. Автор надеется на переход в ««долину цивилизованности», населенную развитыми, свободными и богатыми демократическими странами» (с. 404), считая, что для России «оптимальный путь – включение в Мегатенденцию I (глобализацию), но с четкими установками на повышение миросистемного статуса» (с. 568). Возникает вопрос: действительно ли таков оптимальный путь для России? Ведь именно Мегатенденция I (глобализация) завела мир в экологический тупик; именно из-за нее мир сотрясают финансовые кризисы, в основе которых – финансовые спекуляции с деньгами, оторванными от товарных носителей; именно она возводит в абсолют погоню за наживой, чем способствует не только увеличению разрыва между бедностью и богатством, но и утрате смысло-жизненных ориентиров значительной частью населения. Другими словами, глобализация в ее нынешнем виде – это тупиковый путь истории, пока еще не исчерпавший себя, но гибельность которого вряд ли вызывает сомнения. И этот гибельный путь признан оптимальным?

Здесь так и хочется воскликнуть: «Добро пожаловать на борт «Титаника»!» – в надежде на то, что «Титаник» не сразу утонет и нам еще удастся выговорить кое-какие привилегии для себя. В самом деле, для профессора Розова «очевиден очередной сбой в Мегатенденции I (вестернизации и глобализации), который, однако, приведет ее не к закату, а к новому витку развития...» (с. 532). При чем автора не смущает то, что «при возобновлении глобального роста возобновятся и процессы безудержной наживы, раздувания новых «финансовых пузырей»» (Там же). Что в таком случае имеется в виду под «глобальным ростом»? О «витке развития» чего идет речь? Видимо, автор подразумевает в первую очередь пози-

тивные тенденции мирового развития, куда включены индустриализация и урбанизация, информатизация и технический прогресс, повышение уровня образования и развитие науки и ряд других (с. 613–614), реализация которых, правда, имеет и обратную сторону, с чем – видимо, считает автор – следует примириться.

Возможно, полвека назад такого рода рассуждения показались бы оправданными. Но сегодня уже очевидно, что позитивные тенденции глобализации не имеют самодовлеющего значения, что они подчинены основной цели глобализации – извлечению максимальной прибыли любой ценой, чем и порождаются негативные последствия. Правомерно ли в таком случае осмысливать углубление противоречий Мегатенденции I как «новый виток развития»? Способна ли кого-то вдохновить стратегия, предполагающая включение в Мегатенденцию I? Ведь тогда получится, что только наша страна нуждается в смене логики исторического развития, тогда как в мире все идет правильным путем.

Из сказанного напрашивается вывод: профессор Розов – сторонник империалистической глобализации в ее худших проявлениях. Так ли? Нет, опять не так. На тех же самых страницах автор выделяет Мегатенденцию III, связанную с гуманистическими общественными движениями. Справедливо подчеркивая слабость этой тенденции, он, однако, в опровержение самого себя, заявляет о том, что «гуманистическую Мегатенденцию III следует рассматривать <...> как *перспективный* (курсив мой. – Т. П.), еще недостаточно освоенный в мире путь развития собственной экономики» (с. 568). Но обращение к иной Мегатенденции, пусть пока недостаточно сильной, существенно меняет дело и отменяет большую часть того, что, с подачи автора, было представлено как оптимальный путь для России. Подключение к Мегатенденции III предполагает освоение передового опыта Запада, как и в случае с Мегатенденцией I, зато с совершенно иным результатом для страны: в совместной деятельности по построению нового мира будет создаваться (с нашим участием) новая система отношений – «глобальный этос», по определению А. А. Гусейнова². Только так Россия может стать полноправной участницей глобальных процессов, не утрачивая самобытности. Надежды автора на то, что Россия сохранит цивилизационную самобытность, полностью включившись в Мегатенденцию I,

² Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. – М.: Наука, 2005. – С. 170.

несостоятельны, ибо покоятся на неоправданной аналогии с историей других стран³. Из дальнейших же рассуждений автора напрашивается безрадостный вывод, скорее сходный с моим, чем с его собственным обнадеживающим высказыванием.

Давайте посмотрим, как представлена в книге стратегия догоняющего развития для России, за которую ратует профессор Розов. Он полагает, что Россия сама должна выбрать себе патрона, под мудрым руководством которого нам предстоит научиться производить высокотехнологичную продукцию и продавать ее на мировых рынках. А для того, чтобы заинтересовать будущего патрона, каким наверняка станет Западная Европа, в обучении столь нерадивого ученика, нам надо учесть, что «Европа, подобно США, будет продолжать освобождаться от “тяжелых” производств...» (с. 559), и «убедить европейцев в преимуществе российской территории для размещения и развития европейских производств» (с. 560). Поразительное признание! Позиция автора казалась понятной, пока он озабоченно говорил о так называемой «Программе сотрудничества» между Россией и Китаем, – программе, в соответствии с которой Китаю фактически отданы в разработку земли Сибири и Дальнего Востока. Автор называет Программу «крайне геополитически опасной» (с. 334), что, по-моему, слишком мягко. Как человек, не зараженный политкорректностью, я бы назвала преступлением принятие такой программы без референдума. Но дело сейчас не в этом. Оказывается, согласно взглядам профессора Розова, отдать Сибирь Китаю – плохо, а превратить ее в общеевропейскую помойку – хорошо. Разумеется, автор не употребляет таких грубых слов, он говорит о «размещении европейских производств». Но давайте будем реалистами. Почему Запад освобождается от «тяжелых» производств? В первую очередь – по экологическим соображениям, и российская территория интересует его возможностью сэкономить на очистных сооружениях (что ныне и происходит с ядерными отходами). Автор утверждает, что «опасаться следует отнюдь не объединенных сил Запада (ныне воплощенных в НАТО)» (с. 604), а нарастающего влияния Китая. Последний тезис насчет Китая разделяю полностью, откуда не следует, будто исключена опасность с противоположной стороны.

³ Здесь не место вдаваться в подробности насчет общего и особого путей развития. Отсылаю к своей статье, в которой затрагивался этот вопрос. См.: Панфилова Т. В. Россия в мировой политической истории // *Философия мировой политики. Актуальные проблемы*: уч. пособ. / под ред. Г. К. Ашина, А. В. Шестопаля. – М.: МГИМО, 2000. – С. 46–49.

Конечно, автор вправе придерживаться прозападной ориентации. Но тогда свою позицию надо четко выразить, чтобы не вводить читателя в заблуждение. Ведь до сих пор вроде бы подразумевалась стратегия России как самостоятельного государства. Если будущее России в таком качестве является ценностью для нас, не разумнее ли отстаивать российские интересы от посягательств с обеих сторон, как бы они ни различались? Давайте учиться у других стран тому, что в интересах России как самостоятельного государства. Но стоит ли закладывать в стратегию развития страны ее добровольное подчинение западным «учителям демократии» в противовес разбазариванию собственных территорий и природных богатств? Не разумнее ли отказаться и от того и от другого? Не пора ли самим заняться выработкой стратегии развития, руководствуясь в качестве ценности сохранением самостоятельной российской государственности и опираясь на знание как внутренних механизмов «колеи», прекрасно описанных в рецензируемой книге, так и особенностей и противоречий глобализирующегося мира?

Чем объяснить отмеченные противоречия и нестыковки? Думаю, что вопрос упирается в систему ценностей, положенную в основу исследования. По справедливому замечанию автора, «сами же *исходные нормативные основания суждений и действий – ценности* – не подвластны научным открытиям и выводам...» (с. 659). Следовательно, макросоциология не поможет нам определиться с ценностями. По-видимому, имело бы смысл предложить читателю более четкую формулировку ценностных оснований, на которые автор опирался в разработке стратегии России. Тогда удалось бы избежать многих недоразумений.

Подводя итог сказанному, получается, на мой взгляд, что осмысление особенностей российской «колеи» заметно продвинулось благодаря рецензируемому исследованию, чего не скажешь о стратегии России в XXI в. Боюсь, что путь, намеченный автором, поведет к дальнейшей деградации страны, если не к полному ее развалу. Сработает печально известный принцип: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Как бы то ни было, автор, похоже, добился главного: книга не оставляет читателя равнодушным. И за то большое ему спасибо.